

АЛЕКСАНДР ЦЫГАНОВ

ДЕНЬ РАЗВЕДЧИКА

РАССКАЗ

Внутри этого чистого и сухого подвальчика с заманчиво выставленными за буфетной стойкой разнокалиберными кружками Слава Разведка готов сидеть день-деньской, взашей не выставят. А случайное припоминание своей пустой однокомнатной панельки всегда заставляет без устали пялиться в законное пространство, за которым все давно и безнадежно промогло, точно кому-то незатейливому понадобилось, чтобы эта невпечатляющая картина мозолила глаза без конца и края.

— Разведка! — с привычной насмешкой кричат ему обитатели подвального помещения, успешно скрашивающего дни мужского отдохновения. — Слышь, Разведка? Еще не всех врагов повязал? Колись, боец!

И, правда, было: заикался Слава Разведка о боевом прошлом, разве грех в своей компании друзей-разведчиков помянуть. А у нас без этого не могут, прозвище без клея и приклеилось. Никому и в голову не взбредет, что ветерану этого заведения довелось еще мальчишкой отметиться в десятках ходок во вражеский тыл вместе с разведкой. И по нынешний день он такой же натуралист: впустую не подступись... Рядом с фронтовиком и не поставит: известно, там иных уж нет в помине, остальные и двух шагов без помощи не сделают.

ЦЫГАНОВ Александр Александрович родился в 1955 году в деревне Блиново, недалеко от ФерAPONТова, где, по словам Н. М. Рубцова, "что-то Божье в земной красоте". Во время службы в ракетных войсках получил тяжкую травму, был комиссован. Окончил Вологодский педагогический институт по специальности учитель русского языка и литературы. Около десяти лет добровольно работал в колонии усиленного режима в должности начальника отряда. Автор нескольких книг прозы. Лауреат литературной премии МВД СССР, Государственной премии Вологодской области по литературе за 2004 год. Член Союза писателей России. Живёт и работает в Вологде.

Сам жилистый и стремительный, с прожигающим синим взглядом на красном обветренном лице, Слава больше напоминал человека без возраста: такие живчики и помоложе за пояс заткнут, только держись. К тому же и лишнего слова из человека не вытянешь: как таких против шерсти не погладить.

— Разведка! — не унимается уже под вечер какой-нибудь разошедшийся любитель питейного подвала, держащий общее мнение, что настоящим воякой тут и не пахнет. — Давай, на руках качнем: кто кого? Завалишь — проставлюсь!

Но в Славе точно какая-то особая сила: взглянет на весельчака так, что кажется, тот на мгновение отразится в его неподвижных зрачках, быстро очухаешься. И опять, словно пусто вокруг, в свою молчанку играет, порой даже не шевельнется. Попробуй, разберись, что на уме у людей.

Только ту компанию в пятнистой униформе, не на шутку захотевшую распознаться возле его столика, едва не сдуло, лишь Разведка, привстав, сделал неуловимое движение руками, невидимое со стороны оживившихся зевак подвального помещения.

И неизвестно, чем все могло закончиться, если бы посетителей не отвлекла телевизионная дикторша с обзорными новостями: немеркнувший рупор современной информации талдычит здесь на железной подвеске с утра до вечера. В верхнем экранном углу красной пульсирующей строчкой было написано: “Об этом давно говорит мир”.

А для собравшихся эти далеко не свежие известия действительно стали новостью: скоренько обитатели подвальчика и подтянулись к орущему на полную мощность размашистому телевизионному экрану.

— “Выруби прохожего”, — так называется новая игра, быстро ставшая популярной, — размахивая руками, вещала черноволосая смуглая женщина. — Она возникла в Америке и Великобритании и стала любимой у обезумевшей от безделья молодежи. По сообщениям средств массовой информации, полиция не в состоянии справиться с нависшей смертельной опасностью. Международное сообщество находится на грани деморализации. Правила этой страшной игры шокирующие. Молодые люди группами выбирают первого встречного прохожего и неожиданным ударом отправляют приговоренного в нокаут, а затем выкладывают видео в интернет. Жертвами нападения становятся более слабые: женщины, дети, старики. Количество погибших растет с каждым днем. До сих пор еще неизвестно фактов серьезного отпора сегодняшнему катастрофическому насилию. Между тем это дикое увлечение, подобно чуме, стремительно распространяется по континенту, — не останавливаясь и отчего-то косясь в сторону, бесперебойно строчила смуглая дикторша, — и его последствия непредсказуемы!

— Туши свет, — только и молвил сосед по столику Славы Разведки Быстров, новоиспеченный военный пенсионер со скорлупым малоподвижным лицом. — А давно, куда ни ткнишь, везде свои да наши кругом были. — И как будто самому себе, задался безнадежным вопросом: — А как теперь жить?..

Но вновь появившаяся на экране смуглая телевизионщица своей очередной информацией окончательно сразила не только отставного госслужащего:

— “Выруби по-нижегородски!”: новость с пометкой “срочно!” — напористо взмахнула она руками с той стороны экрана. — Отныне в зоне риска и наша страна! — закаты подведенные глаза, продолжала дикторша: — Подобное жестокое развлечение произошло в Кстове: на двенадцатилетнего подростка совершил нападение житель этого города. Юноша получил тяжелые травмы и чудом выжил. В “Скорой помощи” сообщили, что в большинстве таких случаев потерпевшие умирают. По горячим следам нападавший был задержан и признался, что ударил ребенка ногой в голову без всякой причины. В настоящее время решается вопрос о возбуждении уголовного дела...

Дальше слушать эту говорунью посетители пивнужки не пожелали. Сбросившись, сколько кто может, они сдвинули несколько столиков и проворно обернулись за буфетной снедью, снабдив небогатый салатный ассортимент внушительно горячительным подкреплением.

Как и полагается, вопросы первостатейной важности всегда в объединяющем месте обсуждались не с бухты-барахты, а неторопливо, с толком и расстановкой. И уже перед закрытием эта из ряда вон выходящая новость привела единомышленников к общему решению: необходимо об этом в срочном порядке известить самого президента.

Пусть нашенские депутаты и займутся делом: и так без конца из столицы не вылезают. Там и будет сподручней самого главного увидеть, под боком командует. Кто, как не он, — давно всех к ногтю прижал. Тем более сейчас и без того весь мир перед ним на цыпочках, всякий знает. Лучше и искать — не найти. Мужик с головой, больше с таким делом некому обернуться.

А через недельку: ныне и все дни в один бесконечный слились, опять правил отсюда Слава Разведка, как всегда, в свою унылую сторону, — никому ненужный, одинокий. Даже в этот “день спецназа”, как теперь запросто именуется между своими их законный праздник, — Разведка снова молчком высидел на одном месте до самого вечера. И не притронулся ни к чему, крошки не взял.

Во дворе тем временем и долгожданный снежок закружил: испуганный и прозрачный, он безутешно метался в неподвижном небе, подолгу плавая в осенней стыни. Но вскоре подзатих, превратившись в лохматые белые хлопья, густо усеявшие сырую землю.

Перед этим военному пенсионеру со скорбным лицом, приятелю Разведки по подвальному помещению, вновь захотелось перебросятся парой слов на вечерней посвежелой улице. Торчит у перехода, беспокойная душа: курнул на дорожку и бубнит без умолку, не остановить. Все еще не давали человеку покоя последние телевизионные известия, хоть тресни.

Но Разведке вся болтовня была поперек горла: не для мужика языком впустую молоть, голову себе забивать. Чуть что, сразу и лапки кверху, — в жизни и почище этого бывает. Он молча сдвинул пониже выдавшую виды кепку и, махнув рукой, отправился проторенной дорогой в сторону дома.

Невелико и добираться: загрузился в подручный транспорт на другой стороне перехода, а там, оглянуться не успеешь, и нужная остановка, маршрут известный. Разведка и не мудрствовал: удобнее запахнувшись в легкую болоньевую куртку, удачно влез в битком набитый троллейбус и покатил в свои края.

Как только людям нейметя, лишь бы чужих насмешить. Сразу на выходе у конечной остановки всю месили грязь несколько молоденьких злых соплонов, крику — на всю улицу. Наверное, весь день на веселой ноге провели и к вечеру что-то не поделили, а крутом — вперемежку с бурным снегом, жижка — негде и ступить. Потому и спрыгнув с троллейбусной подножки, пассажиры, как зайцы, без раздумий бросались врассыпную — кто куда, подалее от этого места.

И Слава Разведка тоже не стал судьбу испытывать: благоразумно, боком обошел разбушевавшуюся молодежку, еще и оглянулся на всякий случай. А следом, стараясь не оступиться, по-за остановки выбрался на тропинку, ведущую в горку, где возле старинной рощи не одно десятилетие и торчала его панельная девятиэтажка.

В свое время все уши пропели: рвались этот дальний городской край сделать показательным на весь белый свет, даже на центральном телевидении разрезвонили. Но всё без толку; и по нынешнее время остается это место обыкновенным “спальным” микрорайоном, каких не счесть по нашим городам и весям.

Окончательно “убитая” местная дорога с обеих сторон была дружно сжата хрупкими серыми панельками, стыковые швы которых еще и вгустую промазывались черной краской: странно, что такие сооружения и поныне сами собой не рассыпаются.

А изначально освещенный почти до самой рощи тусклыми, с мертвенным отблеском фонарями, этот угол невольно наводит на размышления, что сюда даже по необходимости не то, что заскочить, а не лишне и вкруговую обернуться. Но это не препятствовало аборигенам в свободное от трудов пра-

ведных время совершать оздоровительные прогулки: здешним окраинным воздухом дыши — не надышишься.

Представив, как опять он окажется на верхотуре девятого этажа в пустой обрыдлой комнате, Слава остановился внизу у тяжелой одомофоненной двери и нерешительно, в раздумчивости пожал плечами. Вроде и неохота — холодрыга, зуб на зуб не попадает, а все равно ноги еле не сами понесли к последнему подъезду, такое иногда проскакивало.

Напрямую от угла дома, через растоптанную слякотную тропку, не первый год успешно торговал напротив новехонького гаража круглосуточный новомодный магазин, всякой всячины на любой вкус хватало. А бутылочка не по затылочку, чтоб вечер скоротать, и не помешает: всё время скорее пройдет.

Слава Разведка так и сделал, а обратно у дверей на улицу лоб в лоб и разошелся с тремя молодыми крупными парнями, даже оступися. Будто холодком обдало, любому не по себе станет.

Все трое, как на подбор, кареглазые и густоволосые, быстрые, во всем тёмном, зыркают — исподлобья по сторонам посматривают. Не поймешь, каким ветром таких гостей занесло. Не свои это были, точно. У Разведки глаз — алмаз, с фронтовых времен приметливый, увидит, — острее шила пришиллит.

Еще и одеколоном дорогушим на версту от всей троицы разит. Да и машина их здоровенная, как танк, рядом на магазинных задворках чернотой поблескивает. Больше всего на каких-то военных смахивают: впору дураком последним быть, чтоб о местных заикаться.

“С какой стати эти орлы у нас оказались? — подумал Слава Разведка, остановившись у гаража, магазинную попку в куртку засунуть. — Таких субчиков здесь не водилось”.

В это время из дверей появилась старая согнутая женщина в больших очках — соседка, с его хозяйкой — Царствие Небесное! — раньше чай частенько распивали. С некоторых пор опять стала к ним захаживать: случаем, зайдет за какой-то оказией, после и молчит себе за чайным столом, а то и носом поклует невзначай. Только такие посиделки и Славе тоже стали не лишними: отчего-то на душе делалось спокойней, даже порой сам начинал дожидаться молчаливую гостью. Нынче она, бедная, еле душа в теле, тянет одиноко из магазина хозяйственную сумку, через шаг — отдыхает...

А дальше и моргнуть, казалось, Разведка не успел, чтобы понять, что произошло. Один из кареглазых вдруг стремительно, как кошка, прыгнул и со спины нанес старой женщине такой удар, что ее выкинуло на обочину. И всё: был человек, и не стало, лишь голова, будто у пластмассовой куклы, подпрыгнула на дороге.

Слава и посудину из рук выронил, не успел в карман пристроить. Бутылка грянула о железный гаражный поддон и — только звякнуло, разбилась. А кругом — ни единой души не видать, ровно все вымерли. “Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, — замер Разведка. Если честно, слегка трухнул сначала. А перед глазами лишь соседка стоит, — как она там, всё ли ладно? Скорей бы ушли чужаки да помочь ей... Припомнилась и телевизионная говорунья: получается, не обманула. — Уж не моя ли сейчас очередь на тот свет отправляться?..”

Ясно, что приездие не случайно выбрали эту безлюдную городскую окраину, чтобы после о них и слухом не слыхивали. И они решили от жизни не отставать: поиграть в эту игру захотелось...

Между тем чужаки стали осматриваться: неладное почуяли. Один из них, поднеся ладонь ко лбу, в упор, против света, взгляделся в темноту. После, сунув руки в карманы кожанки, с хрустом расправил плечи и уже хозяйски спокойно распорядился:

— Иди сюда!

Разведка понял, что его нашли, больше никуда не деться. Похоже, его дорога нынче была прямым ходом за соседкой... Всего исходят, изувечат... А кому охота на старости лет в калеках оставаться, и воды — некому подать.

Меж пальцев тут не проскочишь, и впустую тоже напрасно торчать, быстро спадают. Лучше чужаков от греха подальше убрать, отсюда увести: мало ли что этим бобикам в голову взбредет, покалечат людей. А самому потом обратно сюда вернуться.

...Во все живое зубами вцепишься, коль жизнь мила. Тут и один, а сразу будешь с овин, хотя и раньше на одного себя надеялся. Слава снова на дорогу глянул, где по-прежнему лежала соседка: жива ли хоть?..

А потом словно кто-то неведомый оказался рядом, чтоб до последнего вместе держаться. И, как будто добавил спокойствия и сил, чтоб колени не дрогнули.

Разведке стало понятно, что теперь делать. Даже если он успеет добратся до крайнего подъезда, внутрь можно и не попасть, нынче все двери на железных запорах, убивают человека — и то не откроют. Зато он будет на свету, под подъездным фонарем, увидит его хоть кто-то, чужаки, глядишь, и отвяжутся.

А коль удастся проскочить сбоку, по темной стороне вдоль дома, и оттуда тропкой к роще, — недолго от гостей и оторваться. По-другому их отсюда не выманить. Но вдруг не сунутся в такую глухомань...

Между тем давно было пора действовать, потому что приезжие двинулись в сторону гаража. Разведка по краю, что ближе к дому, успел переместиться к тропке, тёмной стороной пробрался. Затем, не чуя собственных ног, одним духом проскочил возле дома, а дальше прочавкал ботинками через дорожную слякоть и, рукой подать, перед носом замаячила сама роща. Только рано было радоваться: оказалось, от самого магазина приезжие с ним, как кошка с мышкой, забавлялись...

На последнем дыхании Слава Разведка и до горки в самой роще добрался. Вся в высоченных деревьях, раскиданных вкруговую, летом совсем залюбуешься. А сбоку, сразу с дороги, как дозорные, бдительно стоят тополь с сосной, издалека видно. Рядом пристроился и жиденский словый подрост. Старый тополь со временем стал похож на крест. А подругу-сосну облюбовала местная мелюзга: на ее ладном прямом сучке, как на подтягушке, любят они друг с дружкой помериться силой, особенно теплой порой.

Только Слава вроде отдышался, а за спиной смех. Разведка обернулся — гости, один другого здоровее, следом в распахнутых кожанках в горку поднимаются. Последний из них еще и на мобильный телефон записывает побег старика — вовсю ребятам весело. Получается, так и снимали, как он во все лопатки от них удирал, лишь пятки сверкали. Стыдоба одна, и только...

— Э, баран, — негромко окликнул первый чужак. Это он оставил Славу соседку на дороге лежать. — Сейчас мы тебя резать будем...

Разведка глянул на чужаков: или чем-то опились они, а может, и совсем изнутри все вымерзло. Не из той ли породы, кто лишь тем и промышляет, чтоб людей на тот свет отправлять? Развелось этих бандитов, ничего не бояться.

И тут Слава Разведка сделал свой ход.

— А слабо один на один? — сказал решительно. — Давай, кто первый?

И быстренько — спиной к тополи, чтоб сзади не обошли. Никто не мог видеть изменившегося взгляда на его красном обветренном лице. И сам он стал словно пружина: тронешь невзначай — в ключья разорвёт. Весь огнем взялся. Не ты — так тебя; и тогда тоже, в те давние полсотни разведчиковых рейдов за линию фронта, не бывало другого спасения. Не таких еще чужаков видали, да через себя кидали! Если на то пойдет, хоть одного без глотки оставит, силенок еще хватит.

Чужаки, услышав старика, заготали: как заяц, бегал от них, теперь к дереву жметя, дрожит как пёс шелудивый. Такого навсегда проучить следует, чтобы другим стало неповадно. И на телефон еще видео записать...

Издали, со стороны окружной дороги, было слышно, как несомлажимо летели машины: а здесь, в застывшей мерклой полутьме, ни одной близкой души, ни одного прохожего. Приезжие накинудли на себя капюшоны и, оживленно жестикуюлируя, негромко переговорили между собой. Знать, наскоро подвернувшаяся, новая затея изменила планы. Затем один из них, что

за старшего, прикинул на глазок расстояние от себя до тополя, громко щелкнул языком. Он деловито достал из кожанки остро блеснувший, длинный тонкий нож, ручка в узорах.

Слава Разведка еще крепче замер у изогнутого наподобие креста широченного дерева, одни желваки на скулах заходили. По-звериному притаив дыхание, онемелый, он не сводил взгляда с противника: мало каши ели, чтобы его на арапа брать...

Старший из гостей, нетерпеливо мотнув головой, прицельно на бросок узорный нож вскинул. Играючи, без замаха, метнул. Но на долю секунды раньше пружиной откинуло Разведку от тополя прямо к сосне, — как тут и был! Кареглазый тоже не лыком шит, — в мгновение ока у самого тополя очутился. Чтoб вслед за попаданием успеть еще по самую рукоятку к дереву этого беглеца пригвоздить. Выходит, для того и затевалось, потому что остальные только взвизгнули горячо. С такого веселья сначала и не разобрали, для кого страшно и скоро всё кончилось.

Старшего после своего рывка, точно мигом наскочившего на что-то острое, уже носом перед самым тополем сунуло в землю, и в тряске на этом месте заколотило. Поскользнувшись, он растянулся на сыром снегу и прямиком глоткой на собственным нож напоролся. При броске нож срикошетил от этого дерева, упал острием вверх. Его узорная рукоятка, тюкнувшись в прошлогоднюю листву, плотно в нее села. Как по чьему-то заказу вышло. И приезжий с размаху нарвался на это остриё, пикнуть не успел. Глотку у него просадило. Еще с земли он пытался отдернуться, но не мог. Здоровущий, в куртке нараспашку, пузом по земле ездит и царапает землю. Потом захрипел изо всех сил. Руки у него в стороны выдернуло, пару раз ногами в заданных штанинах дрыгнул, и в горле громко взбулькало, — тотчас весь дух и вышел на волю. Под деревом, куда, как в живой тир, загоняли для последнего вздоха Славу Разведку, он и затих в тусклом сумраке.

Уразумев происшедшее, другой чужак во всю голосину рывкнул, словно на него помутнение нашло. Огромные кулачищи с немалый капустный кочан сжал и пошагал к замершему Славе. Тем временем его младший собрат, уставясь в мобильный телефон, безостановочно снимал все подряд, будто оцепенел.

Разведка у сосны своей и бровью не повел. После случившегося с их главным он попригнулся, все так же не сводя застывшего взгляда с остальных противников. Весь в слух ушел: знал, что для него еще всё впереди.

Кулакастый неожиданно, как зверь, вздыбился в полный рост, заслонив собой остатки ненадежного осеннего света, и всей своей тушей обрушился на Славу. Но Разведке снова удалось голову не подставить. Той же пружиной, что и впервоазу, его опять отщелкнуло в сторону. Стремительно и хлестко, точно оружейный затвор сработал. Такое раньше как дважды два получалось, он с малолетства был крепок в ногах. А теперь старость — не радость, и не устоял Слава Разведка на своих двоих, не сообразив, как на земле очутился. Думал, уже и не подняться ему будет с этой снежной грязики, когда шарханулся от нападавшего.

В это время рошу охлестнуло таким необъяснимым ревом, от которого в пору и крови в жилах стечь. Слава умом не потерялся и хотел уже с земли на ноги вскинуться: и там он был готов с любым драться до последнего. Но не понимал, зачем прыгнувший на него здоровяк к дереву прилип. Совсем на сосне висит, как пьяный, и шагнуть не может, даже не шелохнется. И почему-то вокруг похолодело ни с того ни с сего: кругом ничего не слышать, одна лишь луна сверху желтым пятном круглится...

В то мгновение вдруг и стало ясно, что чужаку не отшагнуть от дерева. Дошло до Славы Разведки, что нет больше чужака. В голове не укладывалось такое, и думать — никому не придумать, но на тот самый сосновый сук, что был за Славиной спиной, и налетел чужак со всего разгону, лишь Разведка в сторону отдернулася.

На этом суку, прямом и крепком, еще местная ребятня силой бахвалилася; находился он на высоте человеческого роста. Чужак с полного маху, как на шампур, горлом на него наделся...

А дальше Славу Разведку, встающего на ноги, младший из чужаков с разгону пнул в живот. И следом, отбросив мобильный телефон, которым он безотрывно снимал, вцепился в горло старика, чтобы покончить с ним, чего не смогли сделать оба первых приятеля. Торопился: от этого старика можно было в любую минуту что угодно ждать. Неужели с такими совсем ничего не делается?!

У Разведки уже и судороги начались, и дыхание пошло на убыль. Чужак дожимал, сдавил горло сильнее, и тотчас у старика предсмертно, в полную ширь, распахнулись глаза. В эти секунды Разведка как будто очнулся: внезапно дало в нос чем-то чужим, словно запахом псины. И кто-то неведомый, кто давеча подмогнул у гаражей, и теперь успел помочь Разведке...

Чужой, намотав на цепкий кулак Славину тесемку от нательного креста, докручивал ее в яростной наклонке на стариковской шее до последнего вдоха. Тут всё, что оставалось в Славе живого, ходуном заходило: как-то было совсем уж не по-русски — последний бой проигрывать... И тогда, сжав пальцы в подобие лап, он с обеих сторон снизу вверх с такой силой долбанул чужака по ушам, что тот, взвизгнув, отлетел в сторону. Похожее сравнится лишь с разорвавшейся рядом гранатой, в два счета можно оглохнуть. Кто повоевал на своем веку, лучше всех это знает. А пострадавший на время лишается воли.

После этого чужак, заполошно обежав павших товарищей, устремился с вытаращенными глазами на дорогу к магазинным задворкам, где у запасного выхода мерцала их огромная, чернющая машина. Он прыгнул на водительское место, сразу взял такой разгон, что на выезде на кольцевую не справился с управлением. По первому снегу машину выбросило на огромной скорости за обочину, в кювет. Там, в скомканном, как ненужная жестянка, внедорожнике и обнаружили последнего кареглазого. В глазах у него, округлившихся задолго до внезапного смертельного удара, навсегда застыл настоящий ужас...

А Слава Разведка, недвижимый, продолжал глядеть вверх, словно наконец отыскал там, высоко, кого-то самого родного и манившего его отсюда, с голой земли и зябкого одиночества, — к себе, в долгожданный покой и отдых. Но Разведка пока не мог и не хотел туда пройти, ведь у магазина лежала его соседка, старуха, которой требовалась помощь.

Поздравляем нашего друга и автора, замечательного вологодского прозаика Александра Александровича Цыганова с 60-летием!

Редакция.